

УДК [82'42:82–191]:[811.161.1+811.581]

UDC [82'42:82–191]:[811.161.1+811.581]

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАСЕН В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF THE FABLE IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Ху Вэй,

аспирант кафедры языкознания и лингводидактики
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка

Hu Wei

PhD of the Department of Linguistics and
Linguodidactics of the Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank

Поступила в редакцию 13.04.20.

Received on 13.04.20.

В статье рассматриваются языковые особенности басен А. И. Крылова – зоонимы, антропонимы, безэквивалентная лексика, пословицы, поговорки и др., особенности современной русской басни как символическое осмысление советской действительности, а также басни, связанные с китайской цивилизацией как неотъемлемой частью китайской культуры. Определяется национальная специфика русских и китайских басен.

Ключевые слова: басня, национально-культурная специфика, зоонимы, пословицы, поговорки, прецедентные имена, аллегория.

The article considers the linguistic features of fables by I. Krylov – zoonyms, anthroponyms, non-equivalent words, proverbs, sayings and others, features of modern Russian fable as a symbolic interpretation of Soviet reality as well as fables connected with Chinese civilization as an inalienable part of Chinese culture. It defines the national specificity of Russian and Chinese fables.

Keywords: fable, national-cultural specificity, zoonyms, proverbs, sayings, precedent names, allegory.

Современные процессы глобализации и межкультурного взаимодействия требуют пристального внимания к изучению не только иностранных языков, но и культур. Именно поэтому в современной лингвистике актуальным является рассмотрение способов обозначения национально-специфических картин мира. В этой связи анализ языковых особенностей басни как лингвокультурного кода определенной нации представляет несомненный интерес. Представление национально-культурной специфики, которую несут в себе басни, отражающие многовековую духовную сущность народа и его историю, – это актуальные тенденции развития современной филологической науки, и прежде всего – лингвокультурологии.

Выбор материала исследования – текстов русских и китайских басен – закономерное явление: басня как жанр обычно строилась на основе традиционных сюжетов, поэтому каждому автору было необходимо наделить свое произведение национально-культурной спецификой. В связи с этим объектом нашего исследования является сравнительный анализ языковых средств передачи культурной информации в баснях. В качестве основного метода анализа рассматривается метод научного описания, который включает приемы наблюдения, сплошной выборки, сравнительной классификации и систематизации. Теоретическую базу представляют работы В. А. Масловой, В. В. Воробьева, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, Б. М. Верещагина, В. Г. Костомарова и др.

Басня – один из древнейших литературных жанров. В Древней Греции выделяется основатель басни Эзоп (VI–V вв. до н. э.); в Риме – Федр (I в. н. э.); в Индии – сборник коротких рассказов «Панчатантра» (III–IV вв. н. э.), в Китае время появления первых

басен – Доциньская эпоха (221 г. до н. э.). В России первые стихотворные басни появляются в XVII в. (Симеон Полоцкий) и в первой половине XVIII в. (А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский). Расцвет жанра басни относится к середине XVIII – началу XIX в. и связан с именами И. И. Дмитриева, А. П. Сумарокова, А. Е. Измайлова и, конечно, И. А. Крылова.

Великий русский баснописец И. А. Крылов первым сделал басню национально-специфичным жанром, лингвострановедческим объектом которого становятся зоонимы, топонимы, антропонимы, безэквивалентная лексика, пословицы, поговорки и др. Героями произведений И. А. Крылова чаще всего выступают животные и неодушевленные предметы, которые живут и совершают поступки, словно люди, высмеивая своим поведением пороки человеческой природы. Благодаря социальной дифференциации языка персонажей, баснописец создает правдивые портреты представителей различных слоев современного автору русского общества. Богатейшие выразительные средства, направленные на обличение человеческих пороков, поднимают остросоциальные проблемы. Басни И. А. Крылова в уникальной форме всесторонне и глубоко отражают современные автору реалии. Аллегорические образы животных – образец реалистического басенного искусства рубежа XVIII – XIX вв.

Языковые особенности басен И. А. Крылова можно классифицировать следующим образом:

1) широкое использование безэквивалентной лексики различных тематических групп: *кума* («Совет Мышей»), *сват* («Котел и Горшок»), *полугар* («Два Мужика»), *овин* («Орел и Куры»), *сговор* («Разборчивая Невеста»), *домовой* («Крестьянин и Овца»);

2) употребление народно-разговорных элементов, обогащающих литературный язык: *Наш молодец в кручине и в печали* («Пастух»); *Вдруг захи-*

рел, завял почти до половины («Василёк»); Так я крушуся и жалею («Чиж и Еж») и др.;

3) применение русских антропонимов, топонимов, зоонимов для выражения глубокого аллегорического смысла: *Матвей* («Крестьянин и Змея»), *Стелан* («Два 9 Мужика»), *Демьян, Трофим, Клим* («Волк и Кот»), *Васька* («Кот и Повар»), *Полкан, Барбос* («Собачья дружба»), *Питер* («Три Мужика»);

4) привлечение народных эпитетов и олицетворений: за *тридцать полей* («Осел и Соловей»), *сыра земля* («Старик и трое молодых»); *Смерть...* / *Явилась вмиг / И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»* («Крестьянин и смерть»); *Как расшумелся здесь! Какой невежа! – Про дождик говорит на ниве / Камень лежа* («Камень и червяк»); *С Тростинкой Дуб однажды в речь вошёл* («Дуб и трость» и др.);

5) использование аллегории, выражающей какую-либо черту характера человека: заяц – трусость, лиса – хитрость, лев – мужество, сова – мудрость и т. д.;

6) создание необычных обращений типа *кум, душа, свет, голубушка* и др.: *Голубушка, как хороша!* («Ворона и лисица»); «Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?» («Лягушка и вол»); *Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом / Здесь чистое мутить питье мое / С песком и с илом?* («Волк и ягненок»); *Послушай-ка, сосед!* («Волк на псарне»); *А вы, друзья, как ни садитесь, / Все в музыканты не годитесь* («Квартет»); *Не оставь меня, кум милый! / Дай ты мне собраться с силой / И до вешних только дней / Прокорми и обогрей!* («Стрекоза и муравей») и др.);

7) богатство авторских пословиц и поговорок, ставших сегодня крылатыми: *А Васька слушает да ест* («Кот и повар»); *А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь* («Квартет»); *А ларчик просто открывался* («Ларчик») и др. Структура басен И. А. Крылова имеет важную особенность: в них мало описаний, но много диалогов, позволяющих сделать текст более динамичным.

Народность языка басен И. А. Крылова заключается в обилии уменьшительных и увеличительных суффиксов в именах существительных со значением ласкательности и пренебрежения, сочувствия автора к слабым, обиженным героям, лести с оттенком заискивания перед сильными, а также от оттенков иронии до бичующего сарказма и др. В целом суффиксы, выражающие субъективные оценочные значения, составляют наиболее многочисленную группу в языке басен И. А. Крылова, например: *Ну, что за шейка, что за глазки! / Рассказывать, так, право, сказки! / Какие пёрушки, какой носок! / И, верно, ангельский быть должен голосок! / Спой, светик, не стыдись!* («Ворона и лисица»). Таким образом, басни И. А. Крылова, несмотря на свою малую форму, отражают все разнообразие стилистических средств русского языка.

Басни 60–90-х гг. XX в. советского периода характеризуются употреблением большого количества советизмов, аббревиатур, канцелярских штам-

пов, обращений и мн. др., выступающих, с одной стороны, символическим осмыслением советской действительности, с другой – носителем национально-культурной информации: *ударник, невыездной, чистка, курс, пятилетка, сознательный, битва за урожай, братский привет, судьбоносное событие* и др. Однако герои басен сохраняют традиционную символику, например: (Н. Самойлов «Орёл и Прометей») *Орёл когтями рвал титану печень, / Куски, от крови алые, глотал. / Его труд Громовержцем был замечен / И даже удостоился похвал. / Мораль у этой басни без прикрас: / Таких орлов не мало среди нас. / Они служат хозяину готовы – / За плату – на куски порвут любого.*

Ярким представителем басенного жанра в советское время был С. В. Михалков, который говорил, что многие из его басен – «скорее стихотворные фельетоны, притчи, юморески или просто шутки». Герои басен писателя – карьеристы, глупцы, завистники, ханжи, подхалимы, традиционно изображенные в виде животных. Причем обличение нравственной уродливости осуществляется так саркастически, что многие характеристики стали пословицами и поговорками. Например, в басне «Соловей и Ворона» С. В. Михалков пишет: *Вот пишешь про зверей, про птиц и насекомых, а попадаешь всё в знакомых.* Басни С. В. Михалкова – замечательное явление русской литературы и сегодня не утратившее своей злободневности.

История русской басни особенно наглядно свидетельствует о ее национальной самобытности и самостоятельности, так как она создавалась на основе народного творчества, «отражая в своем развитии различные этапы социальной, классовой борьбы. Помимо того, в русской литературе XVIII и начала XIX в. басня являлась жанром сатирическим, особенно полно воспроизводящим реальную действительность» [1, с. 8]. На рубеже XX–XXI вв. басня продолжает существовать и как анонимный жанр в интернет-пространстве. Однако изменившаяся в конце прошлого века языковая ситуация демонстрирует снижение общей речевой культуры. Языковые особенности современной басни – это распространенность компьютерного жаргона, городского просторечия и даже бранной лексики.

Китайская басня также является неотъемлемой частью китайской культуры и олицетворяет собой вечноезеленое дерево как символ процветания Китая. В отличие от русских, основные герои китайских басен – люди, чьи поступки символизируют пороки общества. Например, мораль басни «Мо Цзы» – это прославление гуманного отношения к человеку, басня «Сюнь Цзы» рассказывает о соблюдении приличий и о почитании мудрых, басня «Хан Фэйцзы» содержит вывод о неизбежности сурового наказания за нарушение закона. Китайская басня представляет собой сочетание повествования и аргументации, что определяет характеристики ее как основной формы построения древнекитайского прозаического текста. Китайская басня всегда выполняла роль инструмента для обоснова-

ния правильного поступка, например: Мэн Цзы высмеивал Лян Хуэй-вана в басне «Отступившие на 50 шагов насмеются над отступившими на 100 шагов» [4, с. 111] (букв. *Нисколько сам не лучше, недалеко ушел*), Су Дай поучал Чжао Хуэй-вана с помощью басни «Птица-рыболов и устрица вцепились друг в друга» (букв. *В конфликте двух сторон выгода достаётся третьему*) и др. Китайские басни – это не только чисто литературные произведения, это своего рода философско-эстетические рассуждения, полные глубоких раздумий философов о добре и зле, о справедливости и чести. Если в русских баснях три четверти главных героев составляют животные и только одна четверть – люди, то в китайских баснях основные герои – прецедентные имена – известные исторические деятели. Например, в баснях «Хан Фэйцзы», «Чжаньго Цэ» и «Люйши Чуньцю» прецедентными именами являются Мэн Цзы (*китайский философ, представитель конфуцианской традиции*), Лян Хуэй-ван (*правитель царства Вэй в период Сражающихся царств, сын вэйского У-хоу*), Су Дай (*известный советник в период Сражающихся царств*), Чжао Хуэй-ван (*Царь царства Чжао в период Сражающихся царств*) и т. д.

В развитии басенного жанра в Китае большую роль сыграло Конфуцианство, проповедовавшее «гуманное управление страной». Так, Мэн Цзы выступал за то, чтобы деятельность правителей также облагалась налогом как подтверждение их честности. В басне «月攘一鸡» (букв. *Не кради курицу каждый месяц*) он высмеивает царя, преследующего свою выгоду. В басне «握苗助长» (букв. *Тянуть ростки, помогая расти*) баснописец проводит мысль о необходимости соизмерять каждый свой шаг с возможностями других (букв. *Не забегай вперед, выдвигая непомерные требования*). Древние китайские басни не имеют самостоятельной стилистической формы, как русские; их языковые особенности – это своеобразный инструмент для утверждения определенных политических взглядов или философских размышлений. Например, в бас-

не «守株待兔» (букв. *Сторожить пень в ожидании зайца*) проводится следующая мысль: нельзя ждать у моря погоды, уповая на судьбу; или басня «郑人买履» (букв. *Человек из княжества Чжэн покупает обувь*), содержащая мораль – нельзя слепо верить догмам, надо идти в ногу со временем – это отражение истории развития Китая. Языковые особенности китайских басен можно классифицировать следующим образом: широкое использование фразеологизмов, крылатых слов и выражений, метафор, гипербол, олицетворения, иронии и др. В китайской литературе большое количество фразеологизмов пришло из древних китайских басен, например: в басне «惊弓之鸟» («Птица, уже пуганная луком и стрелами») употребляется фразеологизм *пуганая ворона и куста боится*; в басне «狐假虎威» («Лиса пользуется могуществом тигра») фразеологизм *запугивать людей авторитетом патрона*; басня «叶公好龙» («Е-гун любит драконов») содержит афоризм *пустые слова, не подкрепленные делом* и др.

Таким образом, басня является особым жанром литературы. По словам В. Г. Белинского, «басня есть поэзия рассудка», то есть мораль является душой басни. Это отмечает и китайский лингвист П. Чэн: «У басен есть два основных элемента: один – сюжетность, другой – выражение иносказания. Они образуют двойственную структуру басни: с одной стороны, басня – это рассказ, мы называем его объектом метафоры; с другой – это выражение мысли автора, мы называем ее моралью» [2, с. 363]. Однако китайская и русская басни принадлежат к двум различным культурным проявлениям, демонстрирующим разные тенденции в построении аллегорической формы: китайская басня отражает глубокую философскую мысль, русская басня стремится к выражению национального характера и жизненных ценностей. Языковые средства басни обладают большой национальной спецификой, так как содержат культурную информацию, играющую более значимую роль, по сравнению с другими литературными жанрами, поскольку в басенном тексте они выступают как культурные знаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Н. Л. Русская басня / Н. Л. Степанов. – Л.: Печатный двор, 1949. – С. 7–11.
2. 陈蒲清. «寓言传». 长沙: 岳麓书社, 2014, 152–363. (Чэн, П. Описание басни / П. Чэн. – Чанша: книжное издательство Юе Лу, 2014. – С. 152–363).
3. 陈蒲清. «中国古代寓言». 长沙: 湖南教育出版社, 1998. 80. (Чэн, П. Древняя китайская басня / П. Чэн. – Чанша: Хунанское образовательное издательство, 1998. – 80 с.).
4. 陈晨, 陈西泠. «中国神话寓言故事». 杭州: 浙江少年儿童出版社, 2012, 111. (Чэн, Ч. Китайская басня и фольклор / Ч. Чэн, С. Чэн. – Ханчжоу: Чжэцзянское издательство, 2012. – 111 с.)

REFERECES

1. Stepanov, N. L. Russkaya basnya / N. L. Stepanov. – L.: Pechatnyj dvor, 1949. – S. 7–11.
2. 陈蒲清. «寓言传». 长沙: 岳麓书社, 2014, 152–363. (Chen, P. Opisanie basni / P. Chen. – Chansha: knizhnoe izdatel'stvo Yue Lu, 2014. – S. 152–363).
3. 陈蒲清. «中国古代寓言». 长沙: 湖南教育出版社, 1998. 80. (Chen, P. Drevnyaya kitajskaya basnya / P. Chen. – Chansha: Hunanskoe obrazovatel'noe izdatel'stvo, 1998. – 80 s.).
4. 陈晨, 陈西泠. «中国神话寓言故事». 杭州: 浙江少年儿童出版社, 2012, 111. (Chen, Ch. Kitajskaya basnya i fol'klor / Ch. Chen, S. Chen. – Hanchzhou: Chzheczyanskoe izdatel'stvo, 2012. – 111 s.)